

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭЛЕНА ГАРРО

Воспоминания
о будущем

Москва

УДК 821.134.2-31(72)
ББК 84(7Мек)-44
Г21

Elena Garro
LOS RECUERDOS DEL PORVENIR

D. R. © 1963, Elena Garro + D. R.
© 2021, Roberto Tabla, por la titularidad
de los derechos patrimoniales + D. R.
© 2022, Penguin Random House Grupo Editorial, S.A. de C.V. (Mexico)

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с испанского *Екатерины Данышиной*
Художественное оформление *Натальи Портяной*

Гарро, Элена.

Г21 Воспоминания о будущем / Элена Гарро ; [перевод с испанского Е. Данышиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-210879-2

Элена Гарро — мексиканская писательница. Ее, как и Хуана Рульфо, считают предшественницей магического реализма. Роман Гарро впервые издается на русском языке.

Городок Икстепек находится одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Он наблюдает, как на его улицах появляются военные, и начинает свой рассказ. Новым центром притяжения становится отель. В нем военные держат своих любовниц — красивых женщин, украденных из разных уголков страны. Жители городка ненавидят их. Особенно прекрасную Хулию, принадлежащую генералу. Именно она, по их мнению, виновата в ночных убийствах.

Вскоре в Икстепек приезжает молодой человек. Генерал предчувствует, что может потерять любовницу, и на улицах города проливается еще больше крови. Это повергает жителей в ужас, но не молодую девушку Изабель. Она одержима любовью к генералу, а генерал одержим Хулией. Кто сможет выйти живым из этого любовного многоугольника?

УДК 821.134.2-31(72)
ББК 84(7Мек)-44

© Данышина Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210879-2

*Посвящается
Хосе Антонио Гарро*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Я здесь. Сажу на камне, который кажется вполне обычным. И только памяти моей ведомо, что он в себе таит. Смотрю на камень и вспоминаю себя. Подобно тому, как ручеек впадает в реку, я впадаю в печаль и вижу себя в этом камне. В камне, покрытом пылью, заросшем травой, заключенном в самоё себя и осужденном на вечную память и ее многоликие зеркала. Смотрю на камень, на себя и превращаюсь в разноцветное месиво эпох. Я был и я есть во множестве глаз. Я всего лишь память о памяти.

С этих высот я обзираю себя: огромного, распростертого в иссохшей долине. Вокруг меня острые пики гор и желтые равнины, населенные койотами. Мои дома приземисты, выкрашены в белый, их кровли матовые от солнца или глянцевые от воды — засуха то или сезон дождей. Бывают дни, как сегодня, когда мне больно себя вспоминать. Вот бы совсем не иметь памяти или стать милосердной пылью, дабы избежать проклятия видеть себя.

Я помню времена. Когда меня заложили. Когда подвергли осаде. Меня завоевывали и украшали, встречая войско за войском. Познал я и неопикуемый экстаз войны, рождающей хаос и неопределенность. Затем

меня оставили в покое, пока вдруг не появились новые воины. Они выкрали меня и перенесли на новое место. И вот уже я в зеленой и светлой долине, у всех на виду. До тех пор, пока иная армия под предводительством молодых генералов не явилась под стук барабанов, чтобы захватить меня и вознести на гору, полную воды. И узнал я о водопадах и обильных дождях. Там провел я несколько лет. Когда же Революция впала в агонию, ее последняя армия, охваченная поражением, забросила меня в это умирающее от жажды место. Многие дома мои уничтожил огонь пожара, а их хозяев — огонь из ружей.

Помню, как кони в полном безумии метались по моим улицам и площадям, помню вопли испуганных женщин, захваченных всадниками. Когда последние из них скрылись из виду, а пламя уступило место пеплу, из колодцев начали выходить юные девы, бледные, онемевшие и разгневанные из-за того, что не смогли вмешаться в погром.

Мои люди смуглы. Носят белые накидки, ходят в кожаных сандалиях. Носят на шее золотые цепи или платки из розового шелка. Они неспешны, немногословны, и взгляд их устремлен к небу. Вечером, на закате, они поют.

По субботам церковная площадь, усаженная миндальными деревьями, наполняется торговцами и покупателями. Сверкают на солнце разноцветные бутылки с газировкой, переливаются ленты, горят бусины, розовеют и синеют ткани. В воздухе витают ароматы жареный и дровяного угля, запахи пьяных глоток и ослиных стойбищ. Ночь взрывается шумом петард и разборок: рядом с батареями кукурузных початков поблескивают мачете и масляные лампы. По понедельникам, рано утром, шумные захватчики уходят, оставляя мне парочку

мертвецов, которых подбирают люди из городской управы. Так и повторяется, сколько себя помню.

На площади, где растут тамаринды, сходятся все мои улочки. Одна из них убегает дальше всех, пока не скрывается из виду на выезде в Кокулу. Вдали от центра уже редок камень, которым она вымощена. Чем ниже спускается улица, тем выше дома по ее обочинам — они растут на насыпях высотой два или три метра.

На этой улице стоит большой каменный дом с парадным входом в виде буквы L и садом, полным растений и пыли. Время здесь застыло: движение воздуха остановилось после стольких слез. В день, когда из дома вынесли тело сеньоры Монкада, кто-то, кого я уже не помню, распустил слуг и запер ворота. С тех пор магнолии цветут без зрителей и дикая растительность покрывает дворовые плиты; пауки свершают долгие прогулки по картинам и пианино. Давно умерли пальмы, когда-то дававшие тень, и ни один звук не проникает под своды коридора. Летучие мыши гнездятся в позолоченной лепнине зеркал. Рим и Карфаген, стоящие друг против друга, до сих пор нагружены плодами, падающими с веток от зрелости. Всюду забвение и тишина. И тем не менее сад в моей памяти до сих пор залит солнечным светом, пестрит птицами, оживлен беготней и криками. Дымящаяся кухня в фиолетовой тени жакаранд, стол, за которым завтракают слуги семьи Монкада.

Утреннюю тишину пререзает крик:

— Солью тебя засыплю!

— На месте хозяйки я бы приказал срубить эти деревья! — говорит Феликс, старейший из слуг.

Николас Монкада, забравшись на самую высокую ветвь *Рима*, наблюдает за своей сестрой Изабель, которая устроилась среди ветвей *Карфагена* и задумчиво

разглядывает собственные руки. Девочка знает, как можно победить *Рим*: только молчанием.

— Глотки твоим детям перережу!

Сквозь листву *Карфагена* просвечивает небо. Николас слезает с дерева, идет в кухню за топором и быстро возвращается к сестриному дереву. Изабель, медленно спустившись по ветвям, оглядывается; затем пристально смотрит на Николаса, и тот, не зная, что делать, замирает с орудием в руке. Хуан, самый младший из детей, принимается плакать: «Нико, не режь ей глотку!»

Изабель медленно отходит назад, в тень деревьев, и внезапно пропадает.

— Мам, ты это видела?

— Оставь ее в покое, она злая!

— Она исчезла! Она умеет колдовать.

— Да она спряталась, глупый.

— Нет, мама, она колдунья, — твердит Николас.

Я знаю, все это было до генерала Франсиско Росаса и до события, которое печалит меня здесь и сейчас, у этого явственного камня. И поскольку память моя содержит все времена, а порядок их непредсказуем, я стою перед созданием геометрии света, что творит сей иллюзорный холм — предвестник моего рождения. Светлая точка — долина. Этот миг образует геометрическую связь с камнем и с наложением пространств, формирующих воображаемый мир, память возвращает мне неизменными те дни; и вот она, Изабель, снова танцует с братом Николасом в оранжевеющем от ламп коридоре, вращаясь на каблуках, кудри ее в беспорядке, на губах — ослепительная улыбка. Хор девушек, одетых в светлое, окружает брата и сестру. Мать смотрит на Изабель с укором. Слуги выпивают на кухне.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — поговаривают люди, сидящие у бразеро¹.

— Изабель! Для кого танцуешь? Выглядишь как безумная!

II

Когда генерал Франсиско Росас пришел наводить свои порядки, меня охватил страх, искусство устраивать праздники было забыто. Мои люди больше не танцевали перед этими солдатами, чужеземными и молчаливыми. Керосиновые лампы гасили в десять вечера, и ночь становилась мрачной и устрашающей. Генерал Франсиско Росас, начальник гарнизона, был печален. Он прогуливался по моим улицам, постукивая плеткой по сапогам, ни с кем не здоровался и смотрел на нас равнодушно, как на чужих. Он был высокий и жестокий. Глаза его тигрились желтизной. Росаса сопровождал его заместитель, полковник Хусто Корона, тоже мрачный, с красным платком на шее и тexasской шляпой, заломленной набок. Говорили, они оба с Севера. Каждый носил по два пистолета. Пистолеты генерала звались «Всевидящее око» и «Любимица», их имена были выгравированы золотыми буквами в окружении орлов и голубей.

Присутствие военных нас тяготило. Они были частью правительственных войск, которые вошли силой и продолжали насильничать. Частью армии, бросившей меня в этом месте без дождей и надежд. Из-за них затаились сапатисты, которых с тех пор мы ждали. Ждали ржанья их лошадей, гула их барабанов и дыма их факел-

¹ В странах Латинской Америки так называется решетка, на которой жарят мясо. (*Здесь и далее прим. перев.*).

лов. В те дни мы все еще верили в ночь, полную песен, и радостное пробуждение. Она существовала вне времени, эта светлая ночь, и, хотя военные отняли ее у нас, один лишь невинный жест или неожиданное слово могли ее вернуть. И потому мы тихо ждали. Я погрузился в печаль под пристальными взглядами мужчин, в молчании развешивавших висельников по деревьям. Всюду чувствовался страх, а шаги генерала Росаса наполняли нас ужасом. Пьяные тоже были печальны и время от времени заявляли о своей боли протяжными криками, провожая гаснущий вечер. В темноте же их пьянство заканчивалось смертью. Кольцо смыкалось вокруг меня. Возможно, мое угнетение было связано с постигшим меня забвением и со странным чувством, будто я потерял предназначение. Эти дни давались мне тяжело, в тревоге ждал я чуда.

Также и генерал, неспособный очертить свои дни, жил вне времени, без прошлого и будущего. Чтобы забыться в обманчивом настоящем, он устраивал серенады для Хулии, своей возлюбленной, и бродил по ночам со свитой из помощников и военного оркестра. Я молчал закрытыми балконами, а утро петушилось хвостом из песен и выстрелов. Спозаранку на деревьях у входа в Кокулу появлялись повешенные. Мы проходили мимо, делая вид, что их не замечаем, не видим их высунутых языков, болтающихся голов и длинных тощих ног. То были скотокрады или мятежники, как гласили военные сводки.

— Вот и новые грехи у Хулии, — приговаривала Доротея, шагая ранним утром мимо деревьев у входа в Кокулу, чтобы надоить себе у коровы стакан молока. — Да упокоит Господь их в Святой Славе! — добавляла она, глядя на босых и одетых в рубища повешенных, безразличных к ее милосердию. «Царство Небесное для

смиранных», — вспоминала старая женщина, и перед ее взором предстала Слава в золотых лучах и в окружении белоснежных облаков. Достаточно протянуть руку — и коснешься вечности. Но Доротея воздерживалась от этого жеста; она знала, что в самой маленькой доле времени помещалась бесконечность ее грехов, отделяя ее от вечного настоящего. Повешенные же индейцы подчинялись иному распорядку и *уже* пребывали в вечности, которой она была лишена.

«Они-то там из-за бедности». Узрев, как слова ее срываются с языка и достигают ног повешенных, не касаясь их, она вдруг осознала: подобной смерти она не заслужила. «Не все люди достигают совершенства в смерти; есть отошедшие в мир иной и есть трупы, и я буду трупом», — произнесла она с грустью; отошедшие в мир иной — это обнаженное Я, чистый акт, ведущий к Славе; а труп живет наследством, ростовщицеством и рентами. Доротее не с кем было поделиться своими мыслями, жила она одна-одинешенька в доме-развалюхе по соседству с доньей Матильдой. Были времена, когда родители Доротеи владели шахтами Ла Альяха и Ла Энконтрада в Тетеле. После смерти отца и матери Доротея продала свой большой дом и купила тот, что принадлежал семье Кортина, и жила в нем, пока те не умерли. Оставшись одна, занялась она вязанием кружев для алтаря, вышиванием покровов для Младенца Иисуса и покупкой украшений для Девы. Люди называли ее «божьей душой». Когда наступали праздники, Доротея и донья Матильда обряжали фигуры святых. Дон Роке, церковный староста, спускал фигуры со стен и уходил. Старушки, запертые в церкви, исполняли свои обязанности с благоговением.

— Мы хотим посмотреть на голую Деву! — кричали Изабель и ее братья, вбегая в церковь.

Женщины в спешке накрывали фигуры.

— Бога ради, детям нельзя на это смотреть!

— Уходите! — умоляла тетя Матильда.

— Тетя, пожалуйста, всего разочек!

Доротeya с удовольствием посмеялась бы над любопытством и беготней детей. Жаль, что смеяться в церкви было бы кощунством!

— Приходите ко мне, я уж вам расскажу сказочку, почему любопытные долго не живут, — обещала она.

Дружба старушки с семьей Монкада насчитывала много лет. Дети чистили ее сад, вынимали из ульев пчелиные соты, срезали побеги бугенвиллей и цветы магнолий, потому что Доротeya, когда деньги закончились, заменила позолоту цветами и занималась плетением гирлянд для украшения алтарей. В те дни, о которых я вспоминаю, Доротeya была стара уже настолько, что забывала пищу на огне, и такос ее получались с горелым привкусом. Заходя к ней в гости, Изабель, Николас и Хуан кричали:

— Горелым воняет!

— А? С тех пор как сапатисты сожгли мой дом, у меня все время подгорают бобы... — сетовала старушка, не вставая с низкого стульчика.

— Но ты же сама сапатистка, — возражали ей со смехом дети.

— Сапатисты были бедны, и мы прятали для них еду и деньги. Поэтому Бог и послал нам Росаса, чтобы мы начали по ним скучать. Только бедный может понять бедного, — объясняла Доротeya, не отрывая взгляда от своих цветов.

Дети подходили, чтобы расцеловать старушку, и она взирала на них так удивленно, будто они в один миг успели повзрослеть до неузнаваемости.

— Как вы быстро растете! Пора бы уж следовать приличиям! Не ведитесь на козни дьявола!

Дети хохотали, сверкая ровными белыми зубами.

— Доро, можно я зайду в твою комнату? — просила Изабель.

В комнате, где жила Доротея, стены были обклеены картинками святых и веерами, которые принадлежали еще ее матери. В воздухе пахло фитилем и жженым воском. Изабель восхищалась этой комнатой, вечно погруженная в полумрак. Ей нравилось рассматривать веера с миниатюрными пейзажами, освещенными луной, с темными террасами, на которых целовались крошечные мужчины и женщины. То были видения любви, нереальной, но реалистично подробной и уменьшенной до таких размеров, чтобы помещаться на этих маленьких предметах, скрытых во тьме. Девочка имела давнюю привычку подолгу рассматривать сцены, неизменные, зато очень детальные. Другие комнаты состояли из темных стен с юркими кошачьими силуэтами и узорами из побегов плюща.

— Николас, в старости у меня будет такая же комната!

— Не болтай глупости, ты-то точно одна не останешься! Вот выйдешь замуж и возьмешь себе веера, которые больше всего нравятся.

Николас мрачнел:

— Ты хочешь замуж, Изабель?

Опираясь на стену в коридоре, он наблюдал, как сестра выходит из комнаты Доротеи с изменившимся лицом, пребывая в мире, ему неизвестном. Она предавала его, бросала одного, разрывала их детские узы. А ведь они должны быть вместе, Николас точно знал. Они вместе сбегут из Икстепека. Их ждут дороги в ореоле из сверкающей пыли. Поля, готовые к битве... Какой?